

M 135
80

ГАЛЛЬСКІЕ ЕПИСКОПЫ

ВЪ ПЕРІОДЪ 801-18
428

МЕРОВИНГСКІЙ.

Очерки церковной жизни на Западѣ послѣ паденія
Западно-Римской имперіи.

Прот. П. Ляпидевскій.

2201-2007

МОСКВА.

Въ типографіи „Русскихъ Вѣдомостей.“

1870.

ГАЛЛЬСКІЕ ЕПИСКОПЫ ВЪ ПЕРІОДЪ МЕРОВИНГСКІЙ.

Очерки церковной жизни на западѣ послѣ паденія западной Римской имперіи.

Наша задача представить церковный бытъ на западѣ въ первые моменты новой жизни въ Европѣ въ началѣ среднихъ вѣковъ. Мы сказали «новой жизни». Почему же она новая? Что даетъ ей право на это названіе? Что въ ней именно новаго? Какіе ея элементы? Что разрушило старую жизнь и вызвало новую? Вотъ вопросы, которыхъ нельзя обойти, начинать съ рѣшенія которыхъ приходится всякій разъ, когда обращаемся къ началу среднихъ вѣковъ. Если стоишь на рубежѣ между жизнью прошедшею и новою, взглядъ невольно обращается назадъ и невольно заговариваешь о минувшемъ, которое еще такъ недавно.

Въ концѣ пятого вѣка античная жизнь рушилась окончательно. Среди всеобщей неурядицы, среди разбросанныхъ элементовъ прежней жизни, рельефно выставляются два дѣятеля—варвары и церковь, какъ религіозное общество съ выдѣлившимся уже сословіемъ его, духовенствомъ. Эти два великія всемірно-историческія явленія, варвары и христіанство, разрушили античную жизнь, въ основаніи разложили и реформировали ее, и только въ силу этой реформы, съ появленіемъ ихъ, начинается новая исторія человѣчества.

ф. 33-4326

Отъ Московскаго Комитета для цензуры Духовныхъ книгъ
печатать позволяется, 31 Августа, 1870 года.

Цензоръ профессоръ *Петръ Казанскій*.

Въ основаніи античной жизни лежали два начала: а) начало *общественности* и б) начало *національной исключительности*. Неизмѣримо высоко надъ индивидуальной личностію стояла идея *salutis reipublicae*. Это какой-то безличный богъ, предъ которымъ блѣднѣла она, которому всецѣло приносилась въ жертву и поглощалась имъ. Варвары принесли съ собою новое начало, начало индивидуализма, — личности, со всеми ея правами и съ правами ея отдѣльныхъ, частныхъ интересовъ. Начало, какъ видите, совершенно противоположное прежнему и въ силу этой противоположности уничтожающее его. Какъ скоро оно было внесено въ античную жизнь, органическое единство и общая дѣятельность одного общественнаго тѣла прерывалась съ каждымъ днемъ, все устремилось къ мѣстному и частному существованію. Это начало личности является вѣсюду въ средѣ варваровъ. Оно долго жило въ феодализмѣ и умерло только съ водвореніемъ новаго государственнаго устройства послѣ средневѣковой неурядицы.

Мы сказали, что въ основаніи античнаго государства лежало начало *національной исключительности*. Обыкновенно племя побѣдившее, усѣвшись на извѣстной территории, было творцомъ государства. Понятно, что это племя на всю свою жизнь, на всѣ ея формы и развѣтвленія должно было наложить печать національности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и исключительности. Оно ревниво охраняло эту печать, оно трепетало, когда новые нравы, новые обычаи, новый культъ врывались въ общественную жизнь и грозили ей реформой. Только въ предсмертныя минуты великой имперіи мы видимъ, что пантеонъ гостепріимно открывался для боговъ подвластныхъ народовъ; только въ эти минуты, лицомъ къ лицу съ древнимъ, узкимъ, національно-исключительнымъ *jus quiritium*, какъ полнѣй-

шее его отрицаніе, является общечеловѣческое *jus gentium*; только теперь литература римская принимаетъ не національное направленіе, образуя то періодъ греческій, то періодъ испано-африканскій, то періодъ галльскій. Всѣ эти явленія были симптомами окончательнаго разрушенія. До тѣхъ поръ только и могъ существовать Римъ, пока не выступалъ изъ границъ національности. Въ ту минуту какъ Римъ сдѣлался космополитомъ, онъ былъ уже мертвъ.

Понятно, что христіанство, выставляя въ своемъ основномъ принципѣ равенство людей предъ Богомъ, проводило это равенство и въ сферу земной жизни. Своимъ догматомъ, что Христосъ умеръ за всѣхъ, что искупительная кровь пролита за грѣхи всего міра, что всѣ одинаково повинны предъ Богомъ, своимъ положеніемъ, что о Христѣ Иисусѣ нѣсть іудей, ни еллинъ, ни варваръ, ни скифъ, оно выставило общечеловѣческое начало, которое враждебно относилось къ античному принципу *національности*. Это общечеловѣческое начало проводилось въ античную жизнь, разрушая ее, съ одной стороны въ поставленіи единобожія и христіанскаго культа, съ другой стороны въ литературѣ. Умѣйшіе изъ римскихъ императоровъ (Диоклитіанъ, Юліанъ) понимали это разрушительное отношеніе христіанства къ государству въ его общечеловѣческомъ принципѣ, и вотъ причина гоненій, которымъ подвергалось христіанство.

Римъ палъ, внутри себя подломленный отрицаніемъ національнаго начала, на которомъ единственно держался, падая въ тоже время съ внѣшней стороны подъ ударами варваровъ. На его развалинахъ теперь лицомъ къ лицу столкнулись двѣ враждебныя для него силы, варвары и христіанство; но враждебныя по отношенію къ Риму,

онъ въ самомъ процессѣ его разрушенія почти подавали другъ другу руку. Если мы не встрѣчаемъ въ исторіи разрушенія Рима измѣны христіанъ и открытаго перехода на сторону варваровъ, то съ другой стороны у христіанскихъ писателей не слышимъ ни одного укора, ни одной жалобы на варваровъ въ то время, когда они опустошали страну и опрокидывали старый порядокъ вещей. Взятіе Рима Готами не возмутило душу Павлина. Для блаженного Августина Готы и другіе варвары были не болѣе какъ совершители воли провидѣнія. Организмъ беззаконнаго Рима былъ для него хуже неурядицы варваровъ. Испанецъ Орозій раздѣляетъ взглядъ на варваровъ своего учителя Августина. Хотя *Salvianus* рисуетъ страшныя картины опустошеній Трира и другихъ областей, но все-таки Готовъ и вообще варваровъ ставитъ онъ выше римлянъ. Но и покончивши съ Римомъ, эти двѣ силы стояли въ дружескомъ между собою и близкомъ общеніи. Варвары-язычники приняли христіанство.

Если одинъ изъ дѣятелей разрушенія античнаго міра, христіанство, еще въ немъ получилъ свое тѣло, организацию и воплотился въ религіозномъ обществѣ, то скоро воплощается и другой; на развалинахъ великой имперіи варвары формируются въ государство. Такимъ образомъ въ новомъ мірѣ, рядомъ съ религіознымъ обществомъ, перешедшимъ въ него изъ древняго, становится общество политическое,—произведеніе новое, съ новымъ духомъ, съ новой организаціей жизни. Христіанство и варвары не представляются теперь, какъ двѣ безформенныя, безтѣлесныя силы, какими они были въ процессѣ разрушенія античнаго міра: это уже два тѣла, двѣ конструкции, два организма—это церковь и государство. Вторая конструкция шире и охватываетъ первую; церковь

заключается въ государствѣ. Въ новомъ мірѣ, существуя совмѣстно и параллельно, они начинаютъ свое развитіе. Оба раскрываютъ внутреннее свое содержаніе; ихъ различные элементы распутываются, обозначаются, каждый развиваетъ свои притязанія и силы.

Предметомъ нашего изслѣдованія будетъ развитіе одного только изъ этихъ явленій новаго міра,—христіанской церкви. Въ эту хаотическую эпоху, она является на первомъ планѣ; здѣсь сосредоточивается все живое и свѣтлое, кругомъ мракъ и варварство. Она поддерживаетъ связь въ новомъ мірѣ въ то время, когда все стремится къ разьединенію, все становится мѣстнымъ, частнымъ, когда погибаетъ всякое общее учрежденіе, всякій общественный помысль. Съ V по XIII вѣкъ Церковь шла впереди по пути цивилизаціи и указывала его человечеству. Поэтому на ней останавливается вниманіе историка, имѣющаго дѣло съ первыми моментами новаго міра. Итакъ, организмъ церкви будетъ подлежать нашему историческому сѣченію.

Вскрывая этотъ организмъ, мы усматриваемъ въ немъ опредѣленное число органовъ. Всматриваясь далѣе въ анатомическое сочетаніе и взаимное отношеніе ихъ, невольно удивляешься неравномѣрному, одностороннему развитію, совершающемуся внутри организма. Неизмѣримой величины и расширенія достигаетъ одинъ органъ его—верховная власть. Въ немъ сосредоточивается вся жизнь и дѣятельность организма, онъ стягиваетъ къ себѣ всѣ его силы; другіе органы слабы, неразвиты, обезсилены, а иногда подавлены въ борьбѣ съ нимъ. Епископская власть тяготѣетъ надъ церковію; административное значеніе митрополита падаетъ, а за нимъ и значеніе соборовъ. Все сосредоточивается около епископовъ и на

всемъ лежитъ какая-то блѣдность, безличность. Вся исторія церкви того времени состоитъ изъ непрерывныхъ стремленій епископовъ расширить свою власть и довести ее до неограниченнаго, безапелляціоннаго положенія. Вотъ почему, желая представить картину развитія Церкви въ первые моменты новаго міра, мы сосредоточиваемъ весь взглядъ нашъ на однихъ епископахъ.

Единственнымъ источникомъ, изъ котораго можно почерпнуть свѣдѣніе объ этой темной эпохѣ, служитъ церковная исторія франковъ Григорія Турскаго. Это время совершенно погибло бы для исторіи, если-бы не осталось такого памятника. Событія, которыя находимъ въ немъ, въ разбросанномъ видѣ, безъ всякаго хронологическаго порядка совершаются въ Галліи; такимъ образомъ изслѣдователь невольно долженъ ограничить кругъ своихъ изысканій одною только этой мѣстностію. Въ *настоящей* статьѣ мы представимъ отношенія между епископами и королями. *Вторую статью* посвятимъ изслѣдованію отношеній епископовъ къ клиру и монастырямъ; въ *третьей* будемъ говорить о частной жизни, духовномъ просвѣщеніи и вообще дѣятельности епископовъ.

I.

До VI вѣка древній, общій всей Церкви на востокъ и западъ способъ избранія епископовъ согласно волею клира и народа существовалъ и въ Галліи. Къ этому присоединялось иногда указаніе предшественника, назначавшаго при жизни еще своей преемника себѣ; однакожь и въ этомъ случаѣ воля народа была такъ сильна, что рекомендація предшественника не защищала избраннаго отъ деградаціи, если онъ не оправдывалъ ее свястностію жизни. Это мы видимъ изъ исторіи епископа тур-

скаго Брикція *). Мартинъ турскій назначилъ его преемникомъ своимъ еще при жизни. Трудно понять причины такого назначенія. Брикцій еще въ санѣ діакона дѣлалъ безпрестанныя непріятности Мартину. Народъ не любилъ его за гордость и тщеславіе, но принялъ потому только, что считалъ строгимъ и чистымъ по жизни. Но вотъ на тридцатомъ году епископства Брикція возникло противъ него подозрѣніе въ неопозволительной связи съ одной женщиной. Народъ взволновался и хотѣлъ побить его камнями. Брикцій думалъ оправдаться чудомъ, заставивъ младенца, котораго считали плодомъ преступной его связи, произнестъ, что не онъ его отецъ. Но это чудо, оттого-ли, что не было довольно ясно, или оттого что увѣренность народа въ дурной жизни Брикція была очень сильна, не произвело дѣйствія. Народъ приписалъ чудо волшебству и продолжалъ волноваться. Брикцій произвелъ другое чудо. Положивъ горячія уголья въ полу своего платья, онъ понесъ ихъ, окруженный толпою, къ гробницѣ С. Мартина, и, когда высыпалъ, платье осталось непрожженнымъ. Но и это второе чудо не спасло его. Народъ изгналъ Брикція и на мѣсто его избранъ Юстиніанъ **).

Такое близкое отношеніе народа къ церковной жизни, такое непосредственное участіе въ ней, которое видите въ этомъ событіи, послѣ завоеванія Галліи франками въ первое время представляется еще шире. Среди общей опасности духовенство тѣснѣе смыкается съ народомъ. Это замѣтно и чувствуется всюду. Народъ живетъ въ церквахъ, епископы созываютъ его постоянно, говорятъ съ нимъ, совѣщаются. Народъ поддерживаетъ церковное управленіе, поддерживая же, участвуетъ въ немъ.

*) Lib. II, 1.

**) Lib. II, 1.

Мотивомъ такого тѣснаго сближенія духовенства съ народомъ была общность судебъ, тяжелое бѣдственное положеніе среди варваровъ завоевателей. Но скоро оно измѣняется къ лучшему для духовенства, становясь въ тоже время все хуже и хуже для народа. Язычники-франки принимаютъ христіанство. Понятно, что вмѣстѣ съ этимъ воскресаетъ значеніе духовенства, которое вслѣдствіе этого вышло изъ необходимости оставаться въ тѣсной связи съ народомъ побѣжденнымъ. Народъ теряетъ свое значеніе въ церковныхъ дѣлахъ; оно не переходитъ и къ варварамъ, потому что они не чувствовали въ себѣ ни способности, ни охоты заниматься церковными дѣлами. Единственные міряне, принимавшіе въ нихъ участіе, были короли. Вліяніе ихъ, сначала обнаруживаясь скромно въ видѣ санкціи, постепенно усиливалось и дошло до того, что право клира и народа въ избраніи епископа существовало только номинально;— все зависѣло отъ короля. Скоро возникаютъ самыя омерзительныя интриги, подкупы и т. далѣе. Мы приведемъ нѣсколько разсказовъ объ избраніи изъ Григорія Турскаго; въ нихъ вы увидите все это.

«Едва только усопшій епископъ Клермонскій Галлъ вынесенъ былъ въ церковь, клиръ объявилъ преемникомъ ему пресвитера Катона. Катонъ, какъ будто бы посвященный, тотчасъ вступаетъ во владѣніе всѣмъ имуществомъ церковнымъ, удаляетъ всѣхъ, которые завѣдывали имъ (такъ называемые *ministri, episcopi, archipresbyteri, archidiaconi*) и распоряжается всѣмъ по своему произволу. Несмотря на то, что еще не получилъ ординаціи, дѣйствуя съ полнымъ самовластіемъ, Катонъ сталъ нападать на архидіакона Каутина и дѣлалъ ему такія угрозы: «я тебя прогоню, я тебя уничтожу, я заставлю

испытать тебя тысячу смертей.» Каутинъ умолялъ его такъ: прости меня владыко святыи; я окажу тебѣ важную услугу, пойду къ королю, выпрошу тебѣ епископство и въ награду ничего не прошу, кромѣ твоей благосклонности.» Катонъ, подозрѣвая хитрость, не согласился на предложеніе архидіакона. Не смотря на то Каутинъ, притворясь больнымъ, тайнымъ образомъ ночью отправился къ королю Теодобальду съ вѣстію о смерти епископа Галла. Король, или лучше сказать его вельможи, получивъ эту вѣсть, собрали священниковъ въ Метцѣ и тамъ архидіаконъ Каутинъ избранъ и посвященъ въ епископа, такъ что когда пришли вѣстники отъ пресвитера Катона, все дѣло было уже кончено*). По повелѣнію короля, Каутину отдали въ распоряженіе клириковъ, присланныхъ Катонемъ, и все церковное имущество, которое они принесли съ собою. Къ нему приставлены также королевскіе чиновники для сопровожденія, и такимъ образомъ Каутинъ отправился въ Клермонъ. Клеръ раздѣлился на двѣ партіи, изъ которыхъ одна держалась Каутина, другая Катона. Епископъ Каутинъ, видя, что ни какимъ способомъ нельзя склонить Катона къ подчиненію, отнялъ какъ у него, такъ и у его сторонниковъ всѣ церковныя доходы, возвращая однакожь ихъ тѣмъ, которые переходили на его сторону. Каутинъ не упускалъ случая освободиться отъ ненавистнаго ему пресвитера. Когда сдѣлалась праздною турецкая каеэдра,**) онъ посредствомъ своихъ агентовъ, сдѣлалъ то, что для замѣщенія ея просили Катона. Цѣлая депутація, въ которой былъ одинъ мученикъ и одинъ аббатъ, съ пышною церемоніею пришла въ Клермонъ съ прось-

*) Lib. IV, 7.

**) Lib. IV, 11.

бою къ Катону принять епископскую кафедру въ Турѣ. Обстоятельство это показываетъ, какъ велико было значеніе Катона, хотя имѣвшаго только санъ пресвитера, а вмѣстѣ объясняетъ и то, почему Каутинъ не употребилъ для уничтоженія его мѣръ болѣе сильныхъ, въ употребленіи которыхъ, какъ увидимъ въ послѣдствіи, онъ былъ очень изобрѣтателенъ и безцеремоненъ. Но не того хотѣлось Катону: ему нужна была кафедра не турецкая, а клермонская. Хитрый пресвитеръ попросилъ времени подумать, между тѣмъ собралъ къ себѣ всѣхъ нищихъ, которыхъ обыкновенно кормилъ, и когда депутація пришла къ нему съ требованіемъ рѣшительнаго отвѣта, давая между прочимъ понять, что пришла не сама по себѣ, а прислана отъ короля, нищія возопили: «на кого оставляешь насъ добрый пастырь? кто будетъ кормить насъ безъ тебя? не оставляй дѣтей твоихъ!» «Видите, сказалъ Катонъ, обратясь къ клиру турецкому, могу ли я ихъ оставить и идти къ вамъ.» Между тѣмъ граждане Тура обратились къ Клотарю съ просьбою утвердить для нихъ епископомъ избраннаго ими Евфонія. «Да вѣдь я ужъ сказалъ тебѣ въ Турѣ поставленъ «былъ Катонъ, отвѣчалъ имъ король: почему-жъ мое «приказаніе доселѣ не исполнено?» «Мы просили его, говорили граждане, но онъ не согласился.» Пока происходилъ этотъ разговоръ, является Катонъ къ королю съ просьбою отрѣшить Каутина и поставить его епископомъ Клермона. Король на эту просьбу отвѣчалъ смѣхомъ, тогда Катонъ сталъ проситься въ Турѣ. «Да я съ «самаго начала приказалъ посвятить тебя епископомъ въ Турѣ: но, какъ слышу, ты самъ отказался «отъ этой кафедры, поэтому и не получишь ее.» Катонъ со стыдомъ удалился. Король сталъ спрашивать всѣ подробности объ Евфоніи и, когда узналъ, что онъ

племянникъ Григорія Епископа Лангрскаго, знаменитаго по своимъ добродѣтелямъ и благочестію, сказалъ: «Это самое благородное происхожденіе. Да будетъ воля Божія и св. Мартина. Избраніе утверждаю» *).

Бывали случаи, когда власть королей въ дѣлѣ избранія епископовъ дѣйствовала благотворно, то исполняя добрыя внушенія людей благонамѣренныхъ, то останавливая интриги и отвергая льстивыя просьбы людей злонамѣренныхъ и недостойныхъ. Примѣръ перваго представляетъ избраніе епископа въ Родець. Епископомъ въ томъ городѣ былъ Далматій, благочестивый пастырь, строгій постникъ, неутомимый въ молитвѣ, милостивый къ бѣднымъ **); такимъ представляетъ его Григорій Турскій. «Когда онъ умеръ, явилось множество искателей его кафедры. Особенныя надежды получить ее выказывалъ Транзобадъ, пресвитеръ, рассчитывая на то, что сынъ его женатъ былъ на одной придворной. Но покойный епископъ озаботился оставить завѣщаніе, адресованное къ королю, въ которомъ просить его, заклиная страшными клятвами, не поставлять епископомъ ни чужестранца, ни корыстолюбиваго, ни женатаго, но избрать мужа свободнаго отъ всѣхъ попеченій житейскихъ, который бы могъ всю жизнь посвятить на прославленіе Господа. Между тѣмъ Транзобадъ учредилъ пиръ для клира. Во время его одинъ изъ пресвитеровъ началъ жестоко порицать усопшаго епископа, называя его безумнымъ и глупцомъ. Случилось однако жъ вотъ что: когда подали ему вино, и онъ, взявъ чашу, поднесъ ко рту, вдругъ затрясся, упалъ и умеръ. Завѣщаніе епископа было прочтено въ присутствіи Хильдеберта и

*) Lib. IV, 15.

**) Lib. V, 17.

его вельможъ и епископомъ поставленъ Θεодосій архи-
діаконъ.»

Подобные случаи очень рѣдки. Это исключеніе изъ
общаго правила королей продавать епископскія мѣста
тому, кто больше дастъ денегъ или награждать ими сво-
ихъ фаворитовъ. Иногда ради послѣдняго короли отказы-
вались и отъ денегъ. Вотъ случай съ Гунтрамомъ: по
смерти Каутина, епископа Клермонтскаго *), пресвитеръ
Евфразій, доставъ у евреевъ денегъ, послалъ къ королю,
чтобы купить каѳедру. Подкупъ не удался, потому что
королю нужно было сдѣлать епископомъ Авита. Напрасно
графъ города просилъ короля помедлить утверженіемъ
избраннаго по крайней мѣрѣ недѣлю, обѣщая за то ты-
сячу сузолотомъ. Король не согласился и приказалъ не-
медленно посвятить Авита.

Тщетно соборы вошють противъ этой открытой тор-
говли епископскими мѣстами. Грозныя постановленія
Орлеанскаго собора противъ святоупства не имѣютъ дѣй-
ствія; подкупы продолжаются. На каѳедру Озскую **)
король возводитъ мірянина, не смотря на клятвенное
обѣщаніе не дѣлать изъ мірянъ епископа. *Sed quid pectora
humana non cogat sacra uiri fames*, восклицаетъ Григорій ***).
На мѣсто епископа Бертрама король возводитъ графа Сан-
тенскаго ****), несмотря на то, что этой каѳедры искалъ
родственникъ епископа Бертрама; *cum muneribus et con-
sensu civium ad regem properat, sed nihil obtinuit*. Королю
Клотарю *****) нужно было наградить Герцога Австралія за
вѣрность, важныя потери и опасности во время возму-

*) L. IV, 35.

**) d'Eausse, latine Helonensis.

***) Lib. VIII, 22.

****) Ibidem.

*****) L. IV, 19.

щенія противъ короля сына его Храмна. Клотарь не на-
ходитъ лучшей награды для него, какъ епископскую
каѳедру, но, такъ какъ въ это время вакантной не было,
отдѣляетъ для него часть Поатъесской *) епархіи съ
обѣщаніемъ отдать всю по смерти настоящаго уже пре-
старѣлаго епископа. Можно судить, что значило тогда
быть полнымъ епископомъ въ епархіи Поатъе. Огромныя
богатства, которыми владѣли епископскія каѳедры, при-
влекали толпу искателей всякаго рода, не только изъ
духовныхъ, но и изъ мірянъ, и вотъ мы видимъ въ
числѣ ихъ не только чиновниковъ гражданскихъ, но и
военныхъ, не только графовъ и герцоговъ, но даже ре-
ферндаріевъ, занявшихъ въ государствѣ первое послѣ
короля мѣсто **). Наконецъ епископская каѳедра сдѣла-
лась даже наградою злодѣянія, совершеннаго по внушенію
королевской власти. Иннокентій ***), графъ города Гобала,
оклеветалъ предъ австралійской королевой Брунегильдой
аббата Базилики Сен-Привата Лупеночія въ томъ, что
онъ отзывался объ ней неуважительно. Брунегильда по-
требовала его къ отвѣту; наряжено слѣдствіе, но такъ
какъ по изслѣдованіи дѣла вины не оказалось, аббату
позволено возвратиться къ своему мѣсту. Онъ отправил-
ся, но на дорогѣ былъ схваченъ Иннокентіемъ, отведенъ
въ королевскій замокъ Понтіанъ и подвергнутъ пыткамъ.
Такъ какъ и пытка ни къ чему не привела, аббатъ
отпущенъ; но во время путешествія, когда онъ отды-
халъ, раскинувъ палатку на берегу одной рѣки, графъ
настигъ его, отрубилъ ему голову и потомъ бросилъ и
ее и тѣло въ воду. По смерти епископа Родецкаго,

*) Latin. *Pictavia*.

**) Lib. IV, 3; in fin. IX, 33 in fin. V, 46.

***) L. I, 37—38.

когда искатели истощили всю церковную казну, употребивъ ее на подкупъ, и продали даже богослужебные сосуды, Брунегильда къ общему соблазну, примирила соперничество искателей епископской кафедры, отдавъ ее графу Инокентію, убійцѣ несчастнаго аббата. Такимъ образомъ каноны въ дѣлѣ избранія епископовъ существовали только номинально; въ сущности все зависѣло отъ произвола королевской власти.

II.

Если избраніе въ епископы зависѣло всецѣло отъ королей, такъ безцеремонно обходившихъ права клира и каноны, зато въ послѣдующихъ отношеніяхъ короля къ епископамъ послѣдніе являются вполне самостоятельными. Скажемъ болѣе: епископы въ своей дѣятельности представляютъ большую автономію, чѣмъ короли въ своей. Реальное значеніе епископа было несравненно сильнѣе, нежели значеніе короля. Начнемте съ того, что послѣ завоеванія Галліи варварами епископы стояли во главѣ галлоримскаго населенія, они правили народомъ внутри каждаго города, они были представителями этихъ городовъ предъ варварами. Одно уже это давало имъ огромный авторитетъ. Управляя населеніемъ, совершенно для себя незнакомымъ, варварскіе короли необходимо должны были обращаться за совѣтомъ и руководствомъ къ его представителямъ. Епископы давали имъ совѣты, какъ вести себя съ побѣжденнымъ народомъ. Они имѣли болѣе опытности и политическаго смысла, чѣмъ варвары, они обладали административнымъ тактомъ, они привыкли служить власти и пользоваться ею. Такимъ образомъ, управляя королями, епископы оставались и правителями еще державшейся муниципіи.

Скоро послѣ утвержденія варваровъ, епископы получаютъ особенное значеніе для королей, благодаря кровавой борьбѣ послѣднихъ съ *лейдами*, свободнымъ франкскимъ населеніемъ. Перешедши на римскую почву, варварскіе короли нашли здѣсь незанятымъ мѣсто императора. Они стремились усвоить себѣ все атрибуты императоровъ, всю власть, титулы, блескъ, которому они такъ изумлялись. Хильдигертъ, Гонтрамъ, Хильперикъ, Клотарь работали надъ этимъ непрестанно; они пытались возстановить римскую систему налоговъ, наборовъ, администраціи и т. д. На пути этихъ стремленій, королей непріязненно встрѣтило свободное франкское населеніе. Отъ простаго, товарищескаго отношенія къ королю-вождю ему трудно было перейти къ безмолвному подчиненію подданнаго. И вотъ, завязывается упорная, кровопролитная борьба, то открытая, то затаенная, борьба, въ которой восторжествовали лейды и погибла династія меровинговъ. До какой степени сами короли чувствовали всю опасность этой борьбы и искали сближенія съ галлоримскимъ населеніемъ можно видѣть изъ слѣдующаго разсказа Григорія Турскаго о Гонтромѣ: въ воскресенье, когда діаконь, передъ началомъ обѣдни, наложилъ молчаніе на народъ, король обратился къ народу и сказалъ: «заклинаю васъ, мужчины и женщины, здѣсь находящіеся, удостойте сохранить ненарушимую вѣрность, не дайте убить меня, какъ убили моихъ братьевъ. Пусть мнѣ можно будетъ по крайней мѣрѣ въ теченіи трехъ лѣтъ воспитать моихъ племянниковъ, которыхъ я усыновилъ.» Мы приведемъ еще нѣсколько разсказовъ изъ Григорія Турскаго, чтобы видѣть до какой степени были сильны лейды. Сигбертъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Хильперикомъ велъ войну противъ Гонтрама. Гонтрамъ заключилъ съ нимъ миръ, но австра-

зійскіе лейды заставили Сигберта обратиться противъ своего союзника Хильперика *). Вотъ еще одинъ разсказъ: когда Ургіо и Лупъ повели свои войска для битвы, Брунегильда бросилась въ среду воиновъ, умоляя не начинать битву. Тогда Ургіо сказалъ ей: «отойди прочь женщина. Довольно съ тебя, что ты управляла нами при твоёмъ мужѣ. Сынъ твой подѣ нашей, а не подѣ твоей опекой. Отойди прочь, или мы растопчемъ тебя лошадьми» **). Мы не будемъ приводить дальнѣйшихъ примѣровъ; изъ сказаннаго видимъ, какъ были сильны лейды.

Во время борьбы королевской власти съ ними, епископы примыгаютъ къ королямъ: они съ одной стороны стараются внушить королямъ истинное значеніе верховной власти, которую послѣдніе понимаютъ смутно, съ другой, какъ представители галлоримскаго слоя, они подпираютъ варварскій престолъ своимъ вліяніемъ на народъ. Какъ скоро епископы были чѣмъ нибудь недовольны, они тотчасъ становились на сторону лейдовъ. Такъ гордая Брунегильда возстановила противъ себя австразійскихъ епископовъ, которые перешли на сторону лейдовъ и общими силами дѣйствовали къ ослабленію королевской власти. Для большаго успѣха епископъ Эгидій заключилъ договоръ и съ ея непримиримымъ врагомъ Фредегондой ***).

Теперь становятся понятными тѣ факты, которые мы приводили, говоря объ избраніи епископовъ. Вотъ почему короли сажали на епископскія каѳедры своихъ фавори-

товъ. Имѣть епископомъ челоѣка, преданнаго себѣ душой и тѣломъ, было для короля очень важно въ его отношеніяхъ къ лейдамъ.

Въ политическихъ интригахъ и заговорахъ, которыми такъ богата меровингская эпоха, на первомъ планѣ вы видите епископовъ, недовольныхъ королями. Не рѣдко они окружаютъ искателей престола, которые дѣйствуютъ подѣ ихъ руководствомъ. Такъ епископы Палладій и Бертрамъ участвуютъ въ исторіи Гундовальда. Съ партіей свѣтскихъ аристократовъ они вызываютъ его изъ Греціи, чтобы провозгласить королемъ помимо законныхъ наслѣдниковъ Клотаря. Имъ удалось это. (*) Гундовальдъ прибылъ въ Марсель и былъ провозглашенъ королемъ. Но заговоръ открытъ вслѣдствіе измѣны. Въ рядахъ сражающихся заговорщиковъ вы видите епископа Сагитарія; потомъ вы видите его на стѣнахъ города, гдѣ онъ самъ бросаетъ каменя въ осаждающихъ и гдѣ голова его слетѣла вмѣстѣ съ его кукулемъ, какъ говоритъ Григорій Турскій. **) Палладій и Бертрамъ участвовали, хотя были главными пружинами въ этомъ заговорѣ, погубившемъ Гундовальда и даровитаго Муммола. Но этого мало, вы увидите ниже тѣхъ-же самыхъ Палладія и Бертрама за королевскимъ столомъ.

Королевская власть была слишкомъ бессильна, чтобы наказать епископа. Король или его графъ имѣли право только арестовать его, судъ-же надѣ нимъ принадлежалъ собранію епископовъ. Солидарность, которую рѣдко замѣчаете въ отношеніяхъ епископовъ между собою, въ это время была самая тѣсная въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о томъ, чтобы дать отпоръ королю или оправдать обвиненнаго собрата. Король, являвшійся обвините-

*) Lib. IV 6.

**) Lib. IX, 9.

***) L. X, 19.

(*) L. VII, 32.

**) L. VII, 31.

лемъ на соборѣ, со стыдомъ удалялся изъ него, иногда даже прося прощенья у преступниковъ. Въ рукахъ королей было одно средство избавиться отъ ненавистнаго епископа—это подослать тайныхъ убійцъ, или угостить отравленнымъ блюдомъ. Къ нему часто прибѣгали короли, но не пренебрегали имъ и епископы въ свою очередь. Изъ періода меровингскаго мы имѣемъ два любопытныхъ процесса надъ епископами, судившимися по преступленіямъ политическимъ. Это процессы епископа Претекстата и Григорія Турскаго.

Претекстатъ принималъ самое живое участіе въ дѣлѣ Мэroveя, сына Хильперика. Онъ обвинялъ его на Брунегильдѣ въ Руанѣ, гдѣ она была заточена по смерти мужа своего Сигберта (*). Въ этомъ бракѣ Брунегильда думала найти средство отомстить Хильперiku и Фридегондѣ. Она поставила себѣ задачей—низвергнуть Хильперика и возвести на нейстрійской престолъ своего мужа. Претекстатъ былъ ея правою рукой. На сокровища, оставленные ему Брунегильдой, онъ подкупалъ народъ и готовилъ возстаніе. Хильперiku было донесено объ этомъ и онъ приказалъ арестовать епископа. Судъ надъ нимъ назначенъ въ базиликѣ св. Петра въ Парижѣ. Обвинителемъ является самъ король. Несмотря на явныя улики противъ Претекстата соборъ не рѣшается осудить его. Онъ даже старается отклонить Хильперика отъ мысли о судѣ надъ епископомъ, дѣйствуя на религиозный страхъ короля варвара. Чтобы исторгнуть осужденіе Претекстата король прибѣгаетъ къ мольбамъ, подкупу, клеветѣ, вѣроломству. Вотъ подлинный рассказъ объ этомъ процессѣ Григорія Турскаго:

(*) L. V 19.

«Король пришелъ въ собраніе, бывшее въ базиликѣ св. Петра въ Парижѣ и обратился къ Претекстату съ слѣдующимъ обвиненіемъ: «Зачѣмъ ты, епископъ, сочеталъ бракомъ Мэroveя, моего скорѣе врага, нежели сына, съ его теткою, супругою его дяди? Развѣ ты не знаешь каноновъ? Но кромѣ превышенія власти, ты еще вступилъ съ нимъ въ заговоръ противъ меня и подкупалъ народъ съ цѣлію возмутить его и умертвить меня. Ты хотѣлъ и мой престолъ отдать въ другія руки». Когда Претекстатъ отвергъ взводимое на него обвиненіе, явились свидѣтели, утверждавшіе, что они получали отъ него подарки. Епископъ на это отвѣчалъ, что онъ дарилъ ихъ потому что они сами его дарили. Король вышелъ. Епископы остались одни и сидѣли въ ризницѣ. Когда мы, говоритъ Григорій, бесѣдовали и совѣщались между собою, вдругъ входитъ архидіаконъ парижской церкви Аетій, и, поклонившись, обращается къ намъ съ такою рѣчью: «священники господни, вотъ время, когда «вы должны возвысить ваше имя и увѣнчаться славою, «или, въ противномъ случаѣ, никто не будетъ считать «васъ истинными священниками, если вы допустите по- «гибнуть своему собрату». На эту рѣчь отвѣта не было; когда сидѣли все задумавшись, приложивъ палецъ ко рту, я сказалъ имъ: «послушайте, отцы святыя, и «особенно вы, которые къ королю, повидимому, доволь- «но близки! дайте ему совѣтъ святой, совѣтъ до- «стойный епископовъ; чтобы онъ, гнѣваясь на служи- «теля Божія, не погибъ отъ гнѣва Божія и не лишился «бы чрезъ это и царства и славы». При этихъ сло- «вахъ все смолкло. Пользуясь тишиной, я присовоку- «пидъ: «вспомните, священники господни, слова про- «рока: если наблюдающій за поведеніемъ видитъ неправ- «ду и молчитъ, онъ дастъ отвѣтъ за погибшую душу.

«Итакъ не молчите, но проповѣдуйте, и положите предъ очи короля грѣхи его, дабы не постигла его казнь и «вы не были-бы виновны въ гибели души его. Или вы «не знаете, что случилось у насъ въ недавнее время? «Когда Хлодомиръ схватилъ и посадилъ въ темницу «Сигизмунда, епископъ Авить говорилъ ему: не возлагай «на него руки, и ты одержишь побѣду надъ врагами. «Онъ не послушался и погибъ въ слѣдствіе неудачнаго «похода въ Бургундію. А что опять случилось съ импе- «раторомъ Максимомъ? Принудивъ св. Мартина принять «въ общеніе одного епископа убійцу, не лишился-ли онъ «царства и не погибъ-ли позорною смертію?» Никто не отвѣчалъ, всѣ сидѣли неподвижно, какъ окаменелые. Королю сказали, что я главный противникъ по его дѣлу. Тотчасъ является ко мнѣ придворный съ приказаніемъ идти къ государю. Прихожу. Король стоялъ подлѣ бесѣдки, сдѣланной изъ вѣтвей; по правую его сторону находился епископъ Бертрамъ, по лѣвую Рагемодъ; передъ ними столъ съ хлѣбомъ и различными явствами. Увидѣвъ меня, король сказалъ: «послушай епископъ, ты долженъ предъ всѣми являть правду, а между тѣмъ ты не оказываешь должной справедливости даже и мнѣ; я вижу, ты потворствуешь неправдѣ и сбывается на тебѣ пословица: воронъ ворону глазъ не выклюетъ. На это я ему отвѣтилъ: «государь! если кто изъ насъ оставитъ стезю «правды, его можешь исправить ты, но если ты самъ отъ «нея удалишься, кто остановитъ тебя? Мы тебѣ говоримъ «правду, но ты ее слушаешь тогда только, когда хо- «чешь, а не захочешь, кто осудитъ тебя, кромѣ Того, «Кто самъ назвалъ себя правдою? Подстрекаемый льсте- «цами, король на это сказалъ: «я у всѣхъ нашелъ спра- «ведливость, у тебя только найти ее не могу. Но я знаю, что «съ тобою сдѣлать, чтобъ разоблачить тебя предъ всѣми и

«доказать, что ты несправедливъ; я соберу народъ турскій «и скажу имъ: кричите всѣ, что Григорій несправедливъ; «а когда закричатъ они, я тогда скажу: можно-ли «вамъ найти у него справедливость, когда онъ не ога- «зываетъ ее даже мнѣ, королю». Я отвѣчалъ на это: «справедливъ-ли я, или нѣтъ, ты этого не знаешь; знаетъ объ этомъ только Испытующій сердца и утробы, а что народъ по твоему наущенію будетъ издавать противъ меня лживые вопли, то чрезъ это не я обличенъ буду, а будешь обличенъ ты, ибо всѣ знаютъ, что все это отъ тебя вышло, а потому вопли народные не къ моему безчестію послужатъ, а къ твоему». Король какъ-бы смягчился и, думая, что я не пойму его козней, сказалъ, указывая на стоящее передъ нимъ блюдо (вѣроятно, оно было отравлено): «эту похлебку я для тебя велѣлъ пригото- вить, въ ней ничего нѣтъ, кромѣ дичи и гороха». Проникая его лесть, я отвѣчалъ: «наша пища творить волю Божию, а не этими лакомствами услаждаться. Ты, кото- рый другихъ обвиняешь въ неправдѣ, обѣщай самъ пре- жде, что не нарушишь закона и канонѣвъ, и тогда повѣ- римъ, что дѣйствительно ищешь правды». Король, под- нявъ правую руку, поглялся всемогуществомъ Божиимъ, что исполнить все, чего требуютъ законъ и каноны. Тогда я, взявъ хлѣбъ и выпивъ вина, вышелъ. Въ ту же ночь, только окончилось пѣніе ночныхъ псалмовъ, по- слышался у меня громкій стукъ въ двери. Слуга до- ложилъ мнѣ, что пришли посланные отъ Фредегонды. При- казавъ ввести, ихъ я спросилъ: «что вамъ угодно?» Они отвѣчаютъ что «королева приказала кланяться и просить по дѣлу о Претекстатѣ непротиворѣчить ей видамъ, и что она за это дастъ двѣсти фунтовъ серебра». На это я сказалъ имъ: «если-бы королева давала тысячу фунтовъ золота и серебра, могу-ли я поступить вопреки заповѣ-

дамъ Господнимъ? Въ одномъ могу увѣрить королеву, что буду согласенъ на все, что рѣшатъ прочіе епископы на основаніи каноновъ». Тѣ, не понявъ смысла моихъ словъ, очень благодарили меня и уши.

Когда наконецъ собрались мы въ базилику св. Петра, входитъ король и говорить: «каноны требуютъ, чтобы епископъ, обличенный въ воровствѣ, лишенъ былъ сана». Мы спросили его: «кто же этотъ епископъ?» Король отвѣчалъ: «развѣ не видѣли вы драгоцѣнностей, которыя этотъ человѣкъ у насъ укралъ?» Дѣйствительно, три дня назадъ, онъ показывалъ намъ два чемодана наполненные дорогими вещами, стоящими болѣе трехъ тысячъ су, и еще мѣшокъ золота, который, судя по вѣсу, могъ имѣть около двухъ тысячъ червонцевъ. По словамъ короля, все это было украдено у него епископомъ. Претекстатъ отвѣчалъ: «я думаю, вы помните, что, когда королева Брунегильда удалилась изъ Руана, я приходилъ къ вамъ и рассказывалъ о томъ, что она отдала мнѣ на сохраненіе свое имущество, заключавшееся въ пяти чемоданахъ, и что потомъ ко мнѣ часто приходили посланные отъ ней, чтобъ взять ихъ, но я не хотѣлъ отдать безъ вашего согласія. Ты же, король, говорилъ мнѣ: брось эти вещи, пусть онѣ идутъ къ женщинѣ, которой принадлежатъ; я не хочу ссориться изъ-за пустяковъ съ моимъ племянникомъ Хильдебертомъ. Возвратившись въ городъ, я отдалъ одинъ чемоданъ посланнымъ, потому что они больше не въ силахъ были нести; когда они пришли за другими, я опять относился объ этомъ къ твоему величеству и ты опять далъ мнѣ такой рѣшительный отвѣтъ: брось, епископъ, брось эти вещи, чтобъ не было повода къ ссорѣ. Тогда я еще отдалъ два чемодана, а два у меня остались. За чѣмъ же теперь ты кле-

вещешь на меня и обвиняешь въ воровствѣ, тогда какъ я былъ вовсе не похититель, а только хранитель ввѣреннаго мнѣ имущества?» «Хорошо, отвѣчалъ король, но если это былъ залогъ, отданный подъ сохраненіе, за чѣмъ же ты раскрылъ одинъ чемоданъ, зачѣмъ взялъ оттуда покрывало, шитое золотомъ, и, разрѣзавъ его на куски, роздалъ тѣмъ, которые должны были свергнуть меня съ престола?» Претекстатъ отвѣчалъ: «я уже говорилъ тебѣ прежде, что давалъ подарки тѣмъ, отъ которыхъ получалъ ихъ самъ, и такъ какъ у меня своего ничего не было на этотъ разъ, то я заимобразно бралъ отсюда, чтобъ не остаться въ долгу у тѣхъ, которые меня дарили. Я нахожу себя въ правѣ считать своею собственностію то, что принадлежало сыну моему, Мэровею, котораго я былъ воспріемникомъ при святомъ крещеніи». Хильперикъ видя, что своей клеветой ничего не могъ достигнуть, въ крайнемъ смущеніи вышелъ изъ собранія и призвавъ къ себѣ епископовъ, которые особенно ему льстили, сказалъ имъ: «я чувствую, что побѣжденъ; епископъ говоритъ правду: что-жъ мнѣ теперь дѣлать, чтобъ исполнить желаніе королевы? Сдѣлаемъ вотъ что: подите вы къ епископу и скажите ему какъ будто отъ себя: ты знаешь, что Хильперикъ благочестивъ и милосердъ; смирись предъ нимъ, и скажи, что ты дѣйствительно сдѣлалъ все то, въ чемъ онъ тебя обвиняетъ. Тогда всѣ мы надемъ къ его ногамъ и выпросимъ тебѣ прощеніе». Обманутый Претекстатъ согласился и далъ имъ слово сдѣлать по ихъ совѣту. На другой день, когда мы собрались и сѣли на своихъ мѣстахъ, входитъ король и, обращаясь къ Претекстату, говорить: «если ты дарилъ потому только, что самъ получалъ подарки, зачѣмъ же требовалъ отъ тѣхъ, кому дарилъ, клятвы держаться стороны Мэровея?» — «Да, отвѣчалъ епи-

снопъ, признаюсь, я желалъ приобрѣсть для Мэровея ихъ дружбу, но я радъ бы былъ не только человекъ, но если бы можно Ангела съ неба призвать къ нему на помощь, потому что онъ мнѣ сынъ духовный по крещенію.» Когда по этому предмету возникли жаркія пренія, вдругъ Претекстатъ палъ предъ королемъ на землю и закричалъ: «согрѣшихъ на небо и предъ тобою, государь премилосердый! Я убійца, я клятвопреступникъ, я хотѣлъ убить тебя и сына твоего посадить на твоемъ тронѣ.» Только сказалъ это Претекстатъ, король кланяется въ ноги епископамъ и говоритъ: «слышите, благочестивые епископы, какъ виновный самъ сознается въ ужаснѣйшемъ преступленіи.» Когда мы со слезами подняли его, онъ приказалъ Претекстату выдти изъ базилики и самъ пошелъ домой, прислалъ книгу каноновъ и съ ней особенную тетрадь, содержащую мнимыя правила апостольскія, въ которой написано между прочимъ слѣдующее: «Епископъ, уличенный въ убійствѣ, любодѣяніи и клятвопреступленіи, да извергается изъ священства». Во время чтенія сего, когда Претекстатъ стоялъ какъ бы ошеломленный, епископъ Бертрамъ, обратясь къ нему, сказалъ: «слушай, братъ нашъ и сослужитель, король на тебя прогнѣвался, ты не можешь рассчитывать и на нашу дружбу, пока не заслужишь помилованія отъ короля.» Послѣ того король потребовалъ, чтобы мы или разорвали на Претекстатѣ ризу, или прочли надъ головой его псаломъ 108-й, содержащій проклятія на Іуду Искариотскаго, или чтобы по крайней мѣрѣ составили приговоръ объ отлученіи его навсегда. Я противусталъ противъ этихъ требованій, ссылаясь на обѣщаніе короля не дѣлать ничего противнаго канонамъ. Претекстатъ взятъ и заключенъ подъ стражу.» (*) За покушеніе бѣжать ночью, жес-

(*) Lib. VIII, 31.

того избить и сосланъ въ заточеніе на одинъ изъ острововъ близъ Констанца. Впослѣдствіи, по смерти Хильперика Претекстатъ былъ возвращенъ изъ ссылки и снова занялъ епископское мѣсто въ Руанѣ, но подосланными отъ Фридегонды убійцами умерщвленъ въ самой церкви во время богослуженія (*).

Перейдемъ теперь къ процессу самого Григорія Турскаго. Онъ также, какъ и Претекстатъ, былъ замѣшанъ въ исторію Мэровея (**). Онъ укрывалъ его въ базиликѣ св. Мартина. Поэтому-то и на соборѣ въ Парижѣ Григорій является горячимъ адвокатомъ Претекстата. Оба они одинаково ненавидѣли Хильперика и Фридегунду и сочувствовали Брунегильдѣ. Обвинителемъ Григорія предъ королемъ является графъ этого города Лаудасть, смѣненный по проискамъ Григорія. Вотъ что говоритъ объ немъ обвиняемый: «это былъ человекъ дурныхъ свойствъ, надмѣнный, жестокой, корыстолюбивый; онъ грабилъ гражданъ, въ церкви производилъ всякія безчинства, входилъ въ нее въ шлемѣ, безъ благоговѣнія, священниковъ заключалъ въ оковы и грабилъ церковное имущество». X Нельзя безусловно вѣрить такому отзыву: Лаудасть былъ личнымъ врагомъ Григорія и обвинителемъ. Первое обвиненіе Лаудаства состояло въ томъ, что Григорій хочетъ передать городъ Брунегильдѣ и сыну его Хильдиберту, но оно было оставлено безъ послѣдствій, потому что Хильперикъ рѣшительно не хотѣлъ вѣрить этому; Лаудасть выступаетъ съ новымъ обвиненіемъ противъ Григорія, будто-бы онъ разглашаетъ всѣмъ, что Фридегонда находится въ непозволительной связи съ епископомъ Бертрамомъ. Обвиненіе было рассчитано очень

(*) L. VIII, 31.

(**) L. V, 48—50.

удачно, оно доводитъ Хильперика до бѣшенства. Лаудасть хотѣлъ затронуть ревность короля варвара и не ошибся. Обвиненіе поддерживаетъ поддіаконъ Ріульфъ, назначается соборъ въ Бреннѣ, обвинителемъ выступаетъ епископъ Бертрамъ.

Мы видѣли въ процессѣ Претекстата, что соборъ, не смотря на явныя улики, не хотѣлъ обвинить его; въ процессѣ Григорія соборъ пошелъ далѣе. Онъ прямо отвергаетъ всякую возможность суда надъ епископомъ. Онъ рѣшительно отказывается призвать свидѣтелей (*), выслушать которыхъ ему робко предлагаетъ король. Чтобы рѣшить дѣло въ пользу Григорія, соборъ назначаетъ ему очистительную присягу: онъ долженъ отслужить три обѣдни на трехъ алтаряхъ. Но этого мало. Соборъ хочетъ проучить короля за дерзкую попытку обвинить епископа. Онъ предлагаетъ отлучить его отъ церкви вмѣстѣ съ Бертрамомъ. Малодушный король въ испугѣ сваливаетъ всю вину на Лаудасть; Лаудасть проклятъ. Недовольствуясь этимъ, соборъ вытребовалъ отъ короля эдиктъ, которымъ Лаудасть лишался права убѣжища. Другой обвинитель Григорія Ріульфъ умеръ посреди ужасныхъ пытокъ. Этотъ процессъ есть одна изъ самыхъ интереснѣйшихъ страницъ въ мемуарахъ Турскаго и мы приведемъ его буквально (**):

«Смѣненный Лаудасть отправился къ Хильперигу и сталъ упрекать его: вотъ благочествый государь, я бе-

*) Тьері въ разсказахъ объ Меровингахъ, приводя этотъ процессъ, говоритъ, что свидѣтели были позваны и вошли. Не знаемъ, откуда это заимствовалъ французскій историкъ. Вѣроятно, это плодъ его воображенія ради большаго эффекта разсказа. Григорій вотъ что говоритъ: non potest persona inferior super sacerdotem credi.

***) L. V 48, 99, 50.

регъ для тебя городъ Туръ, посмотримъ, какъ безъ меня будутъ беречь его. Видно ты не знаешь, что Григорій прочитъ этотъ городъ для сына Сигиберта». «Лжешь, отвѣчалъ король, ты это говоришь потому только, что тебя выгнали». «Нѣтъ, не лгу, сказалъ Лаудасть, есть за Григоріемъ дѣла получше этого; онъ разглашаетъ про королеву, что она въ преступной связи съ епископомъ Бертрамомъ». При этихъ словахъ король затрясся отъ гнѣва, бросился на Лаудасть, билъ его, топталъ ногами и заключилъ въ темницу. Лаудасть не потерялся отъ этой неудачи и объявилъ, что все это слышалъ отъ поддіакона Ріульфа. Его освободили, но на мѣсто его заключенъ Ріульфъ. Тотъ подтвердилъ показаніе Лаудасть и сослался на Галліена и архидіакона Платона, какъ на свидѣтелей, которые, по словамъ его, слышали, какъ епископъ говорилъ про связь королевы. Лаудасть привлекъ къ себѣ въ соучастники пресвитера Ріульфа, которому за это обѣщалъ епископство, и этотъ священникъ сдѣлался до того наглъ въ обращеніи съ Григоріемъ, что, по словамъ его, однажды чуть его не прибилъ, въ полной увѣренности, что заговоръ, устроенный ими противъ него, удастся. «Вотъ, разсказываетъ Григорій, въ субботу на Святой недѣлѣ прибылъ Лаудасть въ Туръ какъ будто совсѣмъ по другому дѣлу, посадилъ въ темницу архидіакона Платона и Галліена и приказалъ вести ихъ въ оковахъ къ королевѣ. Узнавъ объ этомъ, я, разстроенный, смущенный, взшелъ въ молитвенницу, (in oratorium) взялъ псалтырь и искалъ въ немъ утѣшенія. Взоръ мой упалъ на слѣдующій стихъ: «онъ извелъ ихъ въ надеждѣ, враговъ же ихъ покрыло море». Между тѣмъ Лаудасть отправился водою съ узниками на двухъ судахъ, изъ коихъ на одномъ былъ самъ, на другомъ они. Узники представлены къ королю и содер-

жались подъ присмотромъ. Въ это же время въ Туръ прибылъ военачальникъ Берульфъ и вмѣстѣ съ графомъ Евноміемъ пустили въ народѣ слухъ, что будто бы Гонтрамъ имѣеть намѣреніе напасть на городъ, и поэтому окружили его войскомъ со всѣхъ сторонъ, но на самомъ дѣлѣ это дѣлалось для того, чтобъ стеречь меня. Подсылали ко мнѣ людей съ такимъ совѣтомъ, чтобы я, забравши лучшія церковныя сокровища, бѣжалъ въ Клермонъ: но я не послушался ихъ. Между тѣмъ король, собравъ всѣхъ епископовъ, требовалъ изслѣдовать дѣло тщательно. Когда клирикъ Ріульфъ былъ допрашиваемъ и взводилъ на меня всякаго рода клеветы, нѣкто Модестъ, ремесломъ столяръ, сказалъ ему: «несчастный! какъ тебѣ не стыдно выдумывать и произносить противъ епископа такую оскорбительную для него ложь? Лучше бы ты сдѣлалъ, еслибы замолчалъ и поспѣшилъ испросить у него прощенье.» При этихъ словахъ Ріульфъ закричалъ громко: «Смотрите, вотъ этотъ человѣкъ велитъ мнѣ молчать и не открывать истину. Это врагъ королевы, онъ не хочетъ чтобы было изслѣдовано дѣло, касающееся до ея чести.» Слова эти тотчасъ переданы королевѣ. Модеста схватили, пытали, мучили, заключили въ тяжкія оковы и бросили въ темницу. Когда онъ, скованный, лежалъ между двумя стражами и замѣтивъ, что они уснули, обратился съ молитвою къ Богу, чтобы ради св. Мартина и св. Медарда призрѣлъ на его бѣдственное положеніе, вдругъ цѣпи съ него спали, оковы сокрушились, дверь отворилась, и онъ свободный пришелъ въ базилику св. Медарда, гдѣ я бодрствовалъ въ продолженіе ночи.

«Епископы по приказанію короля прибыли въ Брениъ и собрались въ одномъ домѣ. Король, вошедши въ соб-

раніе, привѣтствовалъ всѣхъ, принялъ благословеніе и сѣлъ. Тогда Бертрамъ, епископъ бордосскій, противъ котораго вмѣстѣ съ королевою направленъ доносъ, изложилъ дѣло и указалъ на меня, какъ на виновника обвиненія, взводимаго на него и на королеву. Я увѣрялъ ихъ по сущей справедливости, что никогда не имѣлъ ничего подобнаго даже и въ мысляхъ, что если и были гдѣ нибудь произнесены такія рѣчи о королевѣ, то я нисколько этому дѣлу непричастенъ. Въ это время народъ находившійся извнѣ волновался и кричалъ: «за чѣмъ такіе извѣты допускаются противъ служителя Божія? За чѣмъ король обращаетъ вниманіе на такое дѣло? Возможно ли, чтобъ епископъ сталъ говорить такія рѣчи даже о какомъ-нибудь рабѣ? Господи! заступись за твоего служителя.» Между тѣмъ король такъ говорилъ собору «обвиненіе, взводимое на мою супругу, наноситъ безчестіе мнѣ. Если думаете, что можно спросить свидѣтелей противъ епископа, они готовы. Если же, по вашему мнѣнію, это неприлично и надобно положиться на вѣру епископа, скажите, я готовъ принять все, что вамъ угодно.» Когда всѣ согласились, что не слѣдуетъ допускать свидѣтельства низшихъ лицъ противъ епископа, то дѣло рѣшено было такъ: я долженъ былъ отслужить обѣдни на трехъ алтаряхъ (*dictis missis in tribus altaribus*) и потомъ произнести клятву въ своей невинности, Хоть все это было противно канонамъ, но дѣлать нечего, надобно было исполнить изъ уваженія къ королю. Не могу умолчать, что въ это время королева Ригонта *), принимая живое участіе въ моею скорби, постилась со всѣмъ домомъ, пока слуга не принесъ ей извѣстіе, что предложеніе собора

*) Это дочь Фредегонды. Дочери королей назывались тогда королевами, равно какъ сыновья, королями.

исполнено. Тогда епископы пришли къ королю и сказали: «епископъ исполнилъ все, что ему назначено, теперь не слѣдуетъ ли отлучить отъ причащенія тебя (ut communione priveris) вмѣстѣ съ Бертрамомъ, обвинителемъ своего собрата?» Король отвѣчалъ на это: «чѣмъ же я виноватъ? я повторялъ только то, что отъ другихъ слышалъ». Епископы потребовали, чтобъ онъ объявилъ, отъ кого произошелъ этотъ оскорбительный извѣтъ. Король указалъ на Лаудаста. Но Лаудасть, по недостатку или мудрости, или мужества, успѣлъ уже бѣжать и скрылся. Тогда епископы единогласно рѣшили: Лаудаста, сѣятеля соблазна, клеветника королевы, обвинителя епископа, не допускать ни въ какую церковь—такъ какъ онъ не явился на судъ, и объ этомъ разослали окружное посланіе ко всѣмъ епископамъ, не бывшимъ на соборѣ. Тѣмъ дѣло покончено и каждый отправился къ своему мѣсту. Лаудасть, узнавъ объ этомъ, укрылся въ церковь св. Петра въ Парижѣ, но, услышавъ, что король издалъ эдиктъ, лишившій его убѣжища, и что его сынъ, остававшійся дома, умеръ, тайно прибылъ въ Туръ, а все, что имѣлъ драгоцѣннаго, отправилъ въ Берри. Король послалъ слугъ схватить его, но онъ успѣлъ ускользнуть; жена же его поймана и сослана въ Турнезе. Клирикъ Ріульфъ осужденъ на смерть. Мнѣ удалось съ трудомъ исходатайствовать ему помилованіе, но не освобожденіе отъ пытки. Ни какое дерево, ни какой металлъ не выдержалъ бы, кажется, тѣхъ ударовъ, которые перенесъ этотъ несчастный. Съ третьяго часа дня до девятаго онъ висѣлъ на деревѣ съ связанными назадъ руками, потомъ его били палками, розгами, плетми, и эти удары сыпались не отъ одного или отъ двухъ, но всякій кто только могъ добратся до его членовъ, дѣлался его палачемъ.»

«Возвратясь по милости Божіей въ Туръ, мы нашли всю церковь въ смятеніи, виною котораго былъ пресвитеръ Ріульфъ. Пока я былъ въ отсутствіи у короля, онъ безстыдно вступилъ въ епископскій домъ, описалъ церковное серебро и сталъ распоряжаться всѣмъ прочимъ имуществомъ. Высшимъ членамъ клира онъ сдѣлалъ дорогіе подарки, щедро роздалъ имъ виноградники и луга; низшихъ билъ палкою изъ своихъ рукъ говоря имъ: «знайте вашего владыку, одержавшаго наконецъ побѣду надъ врагами, его геній очистилъ Туръ отъ всѣхъ овернцевъ.» Жалкій невѣжда не зналъ, что всѣ епископы Турскіе, бывшіе до меня, были родственники моихъ родителей. Онъ часто любилъ говорить въ своемъ кружкѣ, что умнаго человѣка нельзя иначе обмануть, какъ вѣроломствомъ. По возвращеніи онъ все еще обращался со мной свысока и даже не пришелъ поздравить вмѣстѣ съ прочими гражданами; а такъ какъ онъ угрожалъ меня убить, то, снесшись съ прочими епископами моей области, я приказалъ его заключить подъ стражу въ одномъ монастырѣ. Онъ содержался въ тѣсномъ заключеніи; но когда епископъ Феликсъ, одинъ изъ виновниковъ вышеописаннаго дѣла, прислалъ ко мнѣ просить за него, Ріульфъ, обманувъ настоятеля монастыря съ помощію своего вѣроломства, успѣлъ бѣжать и прибылъ къ Феликсу. Тотъ ласково принялъ человѣка, достойнаго проклятія.»

Замѣчательно прибавленіе, которымъ Григорій завершаетъ рассказъ о своемъ процессѣ *). «Когда, говоритъ онъ, я уже совѣмъ собрался къ отъѣзду и простился съ королемъ, то не могъ отказать себѣ въ удовольствіи пови-

*) L. VII, 13.

даться съ епископомъ Салвіемъ и облобызать его. Я отправился къ нему въ домъ въ Бреннѣ и сказалъ, что скоро отправляюсь. Когда мы говорили съ нимъ наединѣ о разныхъ предметахъ, онъ вдругъ спрашиваетъ меня: «видишь ли ты на кровлѣ этого дома то, что я вижу?» Я отвѣчалъ: «вижу еще маленькую пристройку, недавно сдѣланную по повелѣнію короля.» «Не видишь ли еще чего? Ничего отвѣчалъ я, и подозрѣвая, что онъ шутитъ, прибавилъ: «если ты что нибудь видишь, то скажи мнѣ.» «Вижу, отвѣчалъ онъ, мечъ гнѣва Божія висящаго надъ этимъ домомъ.» Предсказаніе сбылось; черезъ двадцать дней послѣ того двое сыновей короля умерли.

III.

Для борьбы съ королями въ рукахъ епископовъ было сильное средство въ такъ называемомъ правѣ убѣжища, *jus asyli, droit d'asile*. Это—наслѣдство языческаго міра, принятое христіанскою церковью въ началѣ среднихъ вѣковъ. Право убѣжища существовало во всѣхъ языческихъ государствахъ; преслѣдуемый скрывался въ священныхъ рощахъ, въ капищахъ и т. д. Въ Римѣ, еще въ періодъ царскій мы видимъ множество азиловъ, по которымъ преступникъ пробирался до границы, когда объявленъ былъ виѣ покровительства законовъ (*sacer*.) Во времена имперіи является новая форма азиловъ—*ad statum imperatoris*. Лице прибѣжавшее къ статуѣ императора было неприкосновенно. Когда христіанство стало господствующей религіей Рима, церкви сдѣлались азилами, но это право было ограничено и не такъ безусловно, какъ мы видимъ его въ языческомъ мірѣ. Съ господствомъ варваровъ церковь расширяетъ право убѣжища и

возстанавливаетъ въ его безусловности и неприкосновенности. Въ ту эпоху насилія и произвола это право было весьма благодѣтельно.

Мы сказали, что право давать убѣжища было сильнымъ средствомъ въ рукахъ епископовъ при борьбѣ съ королями. При неудавшейся интригѣ, или заговорѣ, епископы спѣшили пригласить кліента въ базилику и здѣсь онъ благополучно проживалъ, пока обстоятельства не перемѣнились или пока самъ имѣлъ благоразуміе не дѣлать изъ нея ни шагу. Тяжело королямъ было видѣть своихъ враговъ въ такомъ безопасномъ убѣжищѣ. Они умоляютъ епископовъ выдать преступниковъ, грозятъ сжечь храмъ, истребляютъ церковныя зданія, жгутъ окрестности, опустошаютъ поля и сады, но взять своего врага въ храмъ не осмѣливаются; ихъ останавливаетъ религіозный страхъ. Епископы грозятъ имъ небеснымъ проклятіемъ и карою. Случаи открытаго насилія въ церкви очень рѣдки. Короли сами подкрѣпляютъ это право своими эдиктами по настоянію епископовъ. Такъ мы находимъ эдиктъ Клотаря II-го о ненарушимости права убѣжищъ. Съ другой стороны епископы мстятъ за нарушеніе его, возбуждая народный гнѣвъ противъ оскорбителя святыни, входившаго въ храмъ для убійства, и народъ умерщвляетъ его. Иногда это дѣлалось проще. Въ рукахъ епископовъ была толпа нищихъ, которыхъ, какъ мы видѣли изъ примѣра Катона, духовенство пускало въ ходъ въ извѣстныхъ случаяхъ. Ниже, изъ разсказа объ Эберульфѣ, мы увидимъ, что эти нищіе убиваютъ Клавдія—убійцу Эберульфа, въ притворѣ базилики св. Мартина.

Изъ приведенныхъ процессовъ мы видѣли, что Григорій Турскій былъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ Брунегильды и Мэровея. Замыслы Брунегиль-

ды возвести на нейстрийскій престолъ своего мужа не удались. Мэровей былъ постриженъ въ монахи и заключенъ въ монастырь. Нужно было помочь ему и Григорій отправилъ къ своему кліету поддіакону съ предложеніемъ бѣжать въ Туръ и скрываться въ базиликѣ св. Мартина. Въ своемъ разсказѣ Турскій хочетъ скрыть себя и наивно представляетъ это дѣломъ Гонтрама Бозона, скрывавшагося тогда въ этой базиликѣ. Но въ тоже время онъ самъ говоритъ, что посланъ былъ поддіаконъ, послать котораго могъ только епископъ.

Будемъ продолжать нашъ разсказъ подлинными словами мемуаровъ: «Мэровей прибылъ въ базилику св. Мартина. Въ это время шла обѣдня. По окончаніи ея, разсказываетъ Григорій, Мэровей вошелъ въ церковь и объявилъ, что мы должны допустить его къ причащенію. Въ церкви между прочими присутствующими находился Рагнемодъ епископъ парижскій. Когда мы ему отказали, Мэровей началъ доказывать, что мы не имѣемъ права лишать его причащенія безъ согласія всей братіи. Послѣ долгихъ совѣщаній съ нашимъ собратомъ о томъ, согласно ли будетъ съ канонами исполненіе просьбы Мэровея, мы рѣшились дать ему эвлогию.»

Приглашая Мэровея укрываться въ базиликѣ св. Мартина, Григорій очевидно не терялъ надежды поправить его дѣло. Для этого ему нужно было добыть кое-какія свѣдѣнія при дворѣ, узнать расположеніе умовъ. Онъ отправляетъ съ этою цѣлью къ Хильперигу Ницетія, мужа своей племянницы. Съ нимъ-же онъ отправляетъ діакона извѣстить короля, что сынъ его скрывается въ базиликѣ. Если нетрудно было обмануть недалновиднаго Хильперика, зато Фридегонду одурачить было не такъ легко. Цѣль этого посольства не могла скрыться отъ ея проницательнаго взгляда. «Это шпіоны, закричала она, увидѣвъ по-

сольство, они посланы узнать что у насъ дѣлается, чтобы передать потомъ Мэровею, и тотчасъ приказала ограбить ихъ и послать въ ссылку. Извѣдая короля о пребываніи Мэровея въ базиликѣ, Григорій хотѣлъ замаскировать свои дѣйствія и самымъ явнымъ образомъ посмѣяться надъ безсиліемъ королевской власти. Если не удалась первая задача посольства, то удалась какъ нельзя лучше послѣдняя. Королю растолковали настоящій смыслъ извѣстія и онъ отвѣчалъ Григорію угрозой выгнать всю страну, если онъ не выдастъ ему Мэровея. Выходка Турскаго была крайне рискованна, но онъ твердо вѣрилъ, что суевѣрный варваръ не осмѣлится схватить Мэровея въ базиликѣ и спокойно отвѣчалъ ему, что нельзя во время христіанства дѣлать то, чего не дѣлалось и во время язычества. Въ отвѣтъ на это король двинулъ войско противъ Тура. Но обратимся къ мемуарамъ:

«Во второе лѣто царствованія Хильдеберта, Мэровей думалъ бѣжать къ Брунегильдѣ, рассуждая такъ: сохрани Богъ, чтобъ изъ-за меня базилика св. Мартина потерпѣла оскорбленіе и земля, въ которой живу, обращена въ рабство». Онъ пришелъ въ базилику во время всеобщей, принесъ все, что было съ нимъ на гробницу св. Мартина, прося его помощи къ достиженію престола. Лаудасть, въ это время графъ Турскій, изъ любви къ Фридегондѣ, строилъ Мэровею козни; наконецъ ему удалось захватить и умертвить слугъ Мэровея, вышедшихъ по неосторожности въ поле. Онъ рѣшился убить и Мэровея, если бы только представился къ этому благоприятный случай. Мэровей, по совѣту Гонтрама и изъ желанія мщенья, приказалъ схватить Марилейфа, перваго королевскаго врача, только что пріѣхавшаго въ Туръ, избилъ его жестоко, отнял у него золото, серебро и все иму-

щество и убилъ-бы его, еслибы Марилейфу не удалось вырваться и убѣжать въ церковь. Мы дали ему платье, говорить Григорій, и спасши отъ явной смерти, отправили въ Поатье.

«Въ это время Гонтрамъ послалъ своего слугу къ одной женщинѣ, имѣющей духъ Пиэона, знакомой ему еще со временъ короля Хариберта, узнать, что ожидаетъ его въ будущемъ. Она, по словамъ его, уже прежде предсказала ему не только годъ, но день и часъ смерти Хариберта. Пиэонисса отвѣчала: «король Хильперикъ умретъ въ этомъ году, и Мэровей одинъ, безъ участія братьевъ, сдѣлается владыкою всего царства. Что касается до тебя, то въ продолженіи пяти лѣтъ ты будешь вождемъ во всемъ государствѣ, а на шестомъ году получишь епископство въ одномъ городѣ на берегу Лоары и доживешь до глубокой старости». Когда посланный принесъ ему эту вѣсть, Гонтрамъ поспѣшилъ съ гордостью передать ее мнѣ, говорить Григорій, какъ будто-бы уже былъ поставленъ въ епископа Тура. Я смѣялся надъ такою глупостью и сказалъ ему въ отвѣтъ: «надобно просить всего этого только отъ Бога, а не вѣрить обѣщаніямъ діавола: онъ лжець истинный и его истинѣ не стоитъ». Когда онъ ушелъ отъ меня со стыдомъ, я долго смѣялся надъ человѣкомъ, который могъ вѣрить такому предсказанію. Наконецъ однажды послѣ всенощной, бывшей въ церкви св. Мартина, я прилегъ на постелю и задремалъ; вдругъ вижу ангела, летящаго по воздуху, который спустился надъ святымъ храмомъ и громко сказалъ: «горе! горе! Богъ поразилъ Хильперика и чадь его: никто изъ рожденныхъ имъ не будетъ царствовать». Когда слова эти въ послѣдствіи сбылись, я понялъ, какъ мало можно вѣрить въ предсказанія колдуновъ».

Въ то время, какъ длился безплодный походъ короля противъ Тура, Фредгонда думала однимъ ударомъ по-

кончить дѣло и опрокинуть все замыслы Григорія. Открытая борьба была не въ характерѣ Фредгонды, зато никто изъ современниковъ не могъ сравниться съ ней въ умѣньи вести тайную борьбу. Никто такъ ловко не умѣлъ дѣйствовать ядомъ и кинжаломъ, какъ она. Это была гениальная заговорщица, предъ которой трепетали современники. «Когда наши гости поживали такимъ образомъ въ базиликѣ св. Мартина, говорить Григорій, Фредгонда послала къ Гонтраму Бозону, къ которому она была расположена за убійство Теодеберда, секретное порученіе, состоящее въ слѣдующемъ: «если ты сдѣлаешь, чтобъ Мэровей вышелъ изъ базилики и былъ убитъ, то получишь отъ меня богатый подарокъ. Бозонъ, думая, что убійцы уже готовы, сказалъ Мэровею: «что мы тутъ сидимъ, какъ трусы, и прячемся въ зданіи базилики, какъ какіе-нибудь слабоумные? Велимъ подать коней; возьмемъ ястребовъ, собакъ, позабавимся охотою и освѣжимся сколько-нибудь на вольномъ воздухѣ». Это сказано Мэровею съ цѣлью вызвать его изъ святаго мѣста. Гонтрамъ имѣлъ добрыя свойства (?), но былъ очень склоненъ къ вѣроломству; рѣдко давалъ кому-нибудь клятву, и не нарушалъ ее тотчасъ-же. Вышли они изъ базилики, доѣхали до Жуо, загороднаго дома, недалеко отъ города. Но Мэровей остался невредимъ».

«Такъ какъ на Гонтрамѣ Бозонъ лежало обвиненіе въ убійствѣ Теодеберта, Хильперикъ прислалъ письмо къ самому св. Мартину, для возложенія на его гробницу, въ которомъ просить святаго угодника, чтобы самъ онъ написалъ ему, можно-ли взять Гонтрама изъ базилики. Діаконъ Водегиль, съ которымъ прислано это письмо, положивъ его на гробницу святаго, вмѣстѣ съ тѣмъ положилъ и нѣсколько листовъ бѣлой бумаги. Но, прождавъ три дня и не получивъ никакого отвѣта, онъ

поѣхалъ обратно къ Хильперигу. Тогда король послалъ другихъ пословъ требовать отъ Гонтрама клятвы, что онъ не выйдетъ изъ базилики безъ его вѣдома. Гонтрамъ, держась за покровъ жертвенника, тотчасъ поклялся, что безъ позволенія короля изъ базилики не выйдетъ».

Между тѣмъ Мэровей, не довѣряя предсказанію пиеониссы, положилъ три книги на гробницу угодника: псалтырь, книгу царствъ и евангеліе и провелъ цѣлую ночь въ молитвѣ, прося святаго открыть, можетъ-ли онъ достигнуть трона. Послѣ того онъ еще три дня провелъ въ постѣ, бдѣніи и молитвѣ, и потомъ, приблизившись къ гробницѣ, взялъ прежде книгу Царствъ и раскрылъ ее: стихъ, на который упалъ его взоръ, былъ слѣдующій (3 Цар. 9. 9): «такъ какъ вы оставили Господа Бога вашего и ходите въ слѣдъ боговъ чуждыхъ и не сотворили правое предъ очами Его, посему предалъ васъ Господь Богъ вашъ въ руки враговъ вашихъ». Въ псалтырѣ открылся этотъ стихъ (Пс. 72; 18, 19): «за лукавство ихъ ты положилъ на нихъ сіе зло; низвергъ ихъ, когда они возносились. Какъ пришли они въ запустѣніе? вдругъ оскудѣли, погибли по причинѣ неправдъ своихъ». Въ Евангеліи оказалось: «вѣсте, яко по двою днію будетъ пасха и сынъ человѣческій преданъ будетъ на пропятіе» (Матѣ. 26, 2). Опечаленный тимики отвѣтами, онъ долго плакалъ на гробницѣ угодника и потомъ вмѣстѣ съ Гунтрамомъ ушелъ изъ базилики св. Мартина (*).

Тяжело приходилось иногда духовенству и базиликамъ отъ своихъ гостей. Они входили въ храмъ съ толпою развратныхъ женщинъ и большимъ запасомъ вина. Подлѣ

(*) Lib. V, 14.

раки святаго совершались самыя омерзительныя вакханаліи. На внушеніе священниковъ и епископовъ пьяные гости отвѣчали грубой бранью и побоями. Въ мемуарахъ Турекаго есть разсказъ объ Эберульфѣ скрывавшемся отъ преслѣдованій короля Гонтрама въ базиликѣ св. Мартина. Это былъ дорогой гость для Григорія. Онъ убилъ по приказанію Фредегонды Хильперика, заклятаго врага Турекаго епископа (*)—этого Нерона и Ирода нашего времени, какъ называетъ его Григорій. Его сопровождали, называетъ Турскій, женщины и въ церкви онъ предавался пьянству и разврату, не обращая вниманія на то, что тамъ лежали мощи св. Мартина. Священники, желавшіе сохранить св. гробницу, подвергались оскорбленіямъ отъ Эберульфа, даже иногда побоямъ; одинъ избитый священникъ едва спасенъ медикомъ. Самъ Григорій не избѣгалъ ругательствъ пьянаго варвара. Однажды Григорій видѣлъ сонъ и передалъ его укрывающемуся. Ему снилось, что король Гонтрамъ вошелъ въ церковь и велѣлъ извлечь оттуда Эберульфа. Епископъ просилъ короля не оскорблять святыни и въ тоже время приказалъ Эберульфу схватиться рукой за покровъ св. даровъ; король хотѣлъ настоять на своемъ и покровъ выскользнулъ изъ рукъ Эберульфа. Онъ отвѣчалъ: этотъ сонъ совершенно сходится съ моими мыслями. Я рѣшился въ случаѣ, если король захочетъ меня извлечь отсюда, одною рукою держаться за покровъ, а другой убью прежде всѣхъ тебя, а потомъ и всѣхъ духовныхъ». Можете себѣ представить ужасъ и положеніе епископа послѣ этихъ словъ. Дѣйствительно, Гонтрамъ употребилъ всѣ усилія, чтобы извлечь Эберульфа; его войска караулили всѣ выходы и окрестности, грабя и разрушая церковныя

(*) Lib. VI, 46.

имущества. Наконецъ Гонтраму удалось убить Эберульфа. Онъ отправилъ въ Туръ какаго-то Клавдія, взявъ съ него клятву, что онъ убьетъ Эберульфа. Клавдій вошелъ въ довѣріе послѣдняго, вызвалъ его въ притворъ собора и тутъ умертвилъ. Послѣ убійства Клавдій самъ искалъ убійца въ жилищѣ аббата, но толпа нищихъ ворвалась туда и убила его. Послѣднее совершилось по внушенію духовенства, въ рукахъ котораго, какъ мы говорили, была толпа нищихъ, всегда готовая къ услугамъ всякаго рода. Этимъ рассказомъ мы заканчиваемъ наши замѣчанія о правѣ убійца (*).

Изъ тѣхъ фактовъ, которые мы приводили изъ исторіи этой эпохи, говоря объ отношенія епископовъ къ королямъ, вы видѣли, что религіозный страхъ королей варваровъ былъ однимъ изъ средствъ въ рукахъ епископовъ, которымъ они пользовались съ неподражаемымъ искусствомъ. Короли оставались такими-же варварами, какими были нѣкогда ихъ предки въ германскихъ лѣсахъ, съ тою только разницею, что, подъ вліяніемъ дурной стороны цивилизаціи Рима, они пріучились къ хитрости и разврату. Христіанство не перевоспитало ихъ; оно коснулось ихъ вскользь, не освятивъ умственной и нравственной стороны ихъ. Пугливыя представленія о мстящихъ богахъ, которыя такъ смущали нѣкогда ихъ предковъ въ глуши лѣсовъ, они переносятъ на христіанскихъ святыхъ. Гаданье на псалтирѣ и евангелии, письма, клавшіяся на рагу святаго и ожиданіе отъ него отвѣта—не ясно-ли это показываетъ какъ глубоко было суевѣріе королей и какъ мало христіанство развилось ихъ?

(*) Lib. VII, 29.

Благодаря суевѣрію и религіозному страху королей, епископы уничтожали административныя мѣры, которыя почему-либо были не совсѣмъ выгодны для нихъ. Чаше всего сталкивались короли съ епископами, когда дѣло касалось финансоваго положенія церкви и духовенства. Какъ скоро появлялся эдиктъ, которымъ сокращались доходы церкви и духовенства, епископы обвиняютъ королей въ святотатствѣ и призываютъ на голову ихъ небесныя кары и проклятіе. Короли уступали и вредный эдиктъ уничтожался часто съ прибавленіемъ бенефиціи. Такъ Клотарю вздумалось издать эдиктъ, по которому третья часть доходовъ церкви должна была поступать въ казну. Турскій епископъ Иньюриозъ объявилъ этотъ эдиктъ безбожнымъ велѣніемъ и съ угрозами мщенія за него св. Мартина ушелъ, не простясь съ королемъ (*). Клотарь струсилъ, эдиктъ отмѣненъ и базиликъ св. Мартина даны были значительныя бенефиціи.

Во имя святаго епископы требовали отъ королей освободить отъ казенныхъ податей тотъ городъ, гдѣ находились мощи. Такъ освобожденъ былъ Туръ. Число освобождаемыхъ городовъ росло съ каждымъ днемъ. Это не значило, что жители вовсе не платили податей, благодаря мощамъ святаго. Совсѣмъ нѣтъ; послѣднее обстоятельство только измѣняло направленіе сборовъ; минуя королевскую казну, они попадали въ епископскую. Короли дѣлаютъ попытки ослабить приливъ богатствъ, но тщетно. Григорій рассказываетъ о себѣ, что онъ выгналъ изъ Тура кадастрантовъ, присланныхъ Хильдбертомъ. Церковныя имущества съ каждымъ днемъ

(*) l. IV, 2.

возрастаютъ въ своей цифрѣ. Особенно увеличивается цифра недвижимыхъ имѣній, такъ какъ большая часть дареній церквамъ являлась въ этой формѣ. Прибавьте къ этому еще такъ называемую десятину отъ всѣхъ имѣній, которая поступала въ церкви, и вы поймете, какими громадными средствами располагали епископы. Начиная съ первыхъ вѣковъ, духовенство усиливается возобновить и сдѣлать всеобщимъ это еврейское учрежденіе; оно проповѣдуетъ и восхваляетъ его; оно приводитъ на память еврейскія преданія и нравы. «Мы неотступно умоляемъ васъ, пишетъ Турскій соборъ къ вѣрующимъ, чтобы вы, подражая примѣру Авраама, не преминули представить Богу десятину отъ всѣхъ вашихъ имѣній, дабы сохранить все остальное» *). Точно также Маконскій соборъ 585 г. дѣлаетъ десятину предметомъ формальныхъ распоряженій. Если въ это время десятина не была всеобщимъ учрежденіемъ на Западѣ, то при каролингахъ духовенство сдѣлало ее всеобщей и правильной.

По мѣрѣ того, какъ сосредоточивались и росли богатства въ рукахъ епископовъ, королевская казна бѣднѣла. Не имѣя средствъ приостановить накопленіе громадныхъ богатствъ въ церквахъ, или лучше не имѣя твердости воспользоваться этими средствами, королямъ оставались одни только безплодныя жалобы на такое положеніе дѣлъ **). «Казна бѣднѣетъ, жалуется Хильперикъ, всѣ богатства перешли въ церковь; епископы сдѣлались королями; къ нимъ перешло достоинство, утраченное нами». Хотя Григорій Турскій съ негодованіемъ вспоминаетъ объ этой жалобѣ, но Хильперикъ былъ правъ. Вотъ почему короли

по временамъ съ какимъ-то ожесточеніемъ грабятъ и опустошаютъ церковныя владѣнія.

Будучи причислены къ богатымъ землевладѣльцамъ, епископы скоро усвоили себѣ ихъ интересы и нравы. Они оставляютъ свой церковный характеръ, чтобы вести жизнь свѣтскую; у нихъ были своры охотничьихъ собакъ и сокола, они ходили окруженные толпою вооруженныхъ слугъ, они отправлялись на войну, но гораздо чаще дѣлали разбойническіе набѣги на сосѣдей, грабя и опустошая ихъ виллы и замки. Но это мы представимъ во всей подробности ниже, когда будемъ говорить о частной жизни епископовъ того времени.

IV.

Мы достигли предѣла нашихъ изысканій объ отношеніяхъ между государственною и церковною властью въ области общественной. Попытаемся перенестись въ сферу частную, домашнюю и взглянуть здѣсь на отношенія между епископами и королями. Пользуясь нашимъ единственнымъ источникомъ—мемуарами Григорія Турскаго, мы имѣемъ возможность увидѣть тѣхъ и другихъ въ частной бесѣдѣ—за обѣденнымъ столомъ. Въ Орлеанѣ Гонтрамъ обѣдаетъ съ епископами *). Въ числѣ присутствующихъ за королевскимъ столомъ сидятъ Палладій и Бертрамъ, тѣ самые, которые были главными дѣятелями въ заговорѣ Гундобальда, имѣвшемъ цѣлю низвергнуть династію Меровинговъ. Можете представить себѣ положеніе короля лицомъ къ лицу съ заклятыми врагами его фамилии. Какъ видно изъ мемуаровъ, епископы-заговор-

*) Labbe V p. 868.

***) L. VI, 42.

*) L. VIII, c. 1 et seq.

щики были приглашены вовсе не по его желанію. (На другой день послѣ этого обѣда король хотѣлъ уйти изъ церкви, гдѣ служилъ Палладій). Это сдѣлали епископы, не упускавшіе удобнаго случая унижить короля. Когда взошли Палладій и Бертрамъ, король только позволилъ себѣ робко упрекнуть ихъ: «очень благодарны мы тебѣ, ска-
«заль король Бертраму, за вѣрность, оказанную своей «фамиліи; ты кажется долженъ бы знать, любезнѣйшій, «что ты нашъ родственникъ по матери и потому не «слѣдовало-бы тебѣ павлекать на свой родъ чужеземную «заразу». Потомъ король обратился къ Палладію: «Неза- «что и тебя поблагодарить, епископъ Палладій; стыдно «сказать объ епископѣ, три раза измѣнилъ ты мнѣ, по- «давая совѣты самые вѣроломныя. Самъ Богъ за меня «заступился, потому что я обращался къ вамъ искренно, «какъ къ отцамъ церкви, а вы постоянно меня обманывали». Въ такомъ-же тонѣ говорилъ онъ и епископамъ Наказію и Антидію: «святые отцы! что сдѣлали вы для меня и для пользы государства? Отвѣчайте!» Такъ какъ они молчали, король всталъ, умылъ руки, принявъ благословеніе отъ епископовъ, и сѣлъ за столъ съ лицомъ веселымъ и открытымъ, какъ будто-бы ничего не было».

«Въ половинѣ обѣда, король сказалъ мнѣ, чтобъ я велѣлъ пѣть моему діакону, который наканунѣ за обѣдней пѣлъ отвѣтственный псаломъ (*psalmum responsorium*). Когда діаконъ запѣлъ, король опять обратился ко мнѣ съ просьбою, чтобъ я заставилъ всѣхъ присутствующихъ епископовъ пѣть. Я тотчасъ передалъ имъ это желаніе короля, назначивъ въ тоже время, что кому пѣть, и они, какъ могли, пропѣли *psalmum responsorium*. Когда подано кушанье, король сказалъ: видите эту серебрянную

посуду, вся она принадлежала измѣннику Муммолу, но Богъ передалъ ее мнѣ. Я уже переплавилъ нѣсколько сосудовъ, столь-же великихъ, какъ эти, которые теперь видите. И зачѣмъ-бы я оставилъ ихъ болѣе, нежели сколько нужно для ежедневнаго употребленія? У меня нѣтъ дѣтей; одинъ сынъ Хильдибертъ, но ему много осталось отъ отца, да ему-же я отдалъ все, что захвачено въ Авиньенѣ изъ имущества Муммола. Все предоставляю бѣднымъ и въ пользу церквей».

Послѣ такого предисловія, которое не могло не понравиться епископамъ, король просить ихъ расположенія и молитвы за племянника Хильдиберта, усыновленнаго имъ. Онъ высчитываетъ предъ ними его прекрасныя свойства, благопріятныя предзнаменованія при его рожденіи: «въ день Пасхи, говоритъ король, когда братъ мой Сигбертъ стоялъ въ церкви, въ то время какъ діаконъ вышелъ съ евангеліемъ, вдругъ является къ нему вѣстникъ о рожденіи сына, такъ что въ одно время и діаконъ въ евангелии и вѣстникъ провозгласили: сынъ дадеся тебѣ. И весь народъ вслѣдствіе двойной радостной вѣсти воскликнулъ: слава всемогущему Богу! Притомъ-же онъ и крещенъ былъ въ день пятидесятницы и вступилъ на престолъ въ день Рождества, а потому надѣюсь, что если вы не оставите его въ молитвахъ, онъ будетъ счастливо царствовать при помощи Божіей». При этихъ словахъ всѣ присутствующіе произнесли молитву за здравіе обихъ царей.

Прося епископовъ быть расположенными къ племяннику, король вспоминалъ о заговорахъ ихъ противъ его фамиліи. Онъ много говорилъ о Теодорѣ епископѣ Марсельскомъ. «Мы знаемъ, что онъ изъ усердія къ Гондо-

бальду послалъ убить брата нашего Хильперика, говорилъ Гонтрамъ. Но послѣ этого насъ нельзя будетъ считать мужемъ, если мы не отмстимъ за это убійство». Григорій оправдываетъ Θεодора и старается напомнить королю о замыслахъ противъ него Хильперика. Потомъ онъ рассказываетъ сонъ, предвѣщавшій будто-бы смерть Хильперика. «Привидѣлось мнѣ, говоритъ Григорій, что ты постригъ его и посвятилъ въ епископа; потомъ повели его съ свѣчами и лампадами и посадили на каедрѣ, покрытую черною матеріею.» При этомъ рассказѣ король воскликнулъ: «ахъ! да вѣдь и мнѣ тоже было видѣніе, предвѣщавшее смерть его. Онъ былъ привиденъ ко мнѣ въ цѣняхъ тремя епископами Тетрикомъ, Агриколою и Никитою Лионскимъ. Двое изъ епископовъ сказали мнѣ: освободи его и, наказавъ, отпусти. Но Тетрикъ возразилъ съ гнѣвомъ: «нѣтъ, его надобно сжечь за его злодѣянія». Тутъ завязался у епископовъ живой споръ, и пока они препирались между собою, вижу я мѣдный котелъ, который стоитъ на огнѣ и сильно кипитъ. Послѣ того увидѣлъ я, признаюсь не безъ слезъ, что епископы, схвативъ Хильперика, переломали ему члены и бросили его въ кипятокъ. Въ минуту онъ такъ растаялъ и испарился, что и слѣда не осталось.» Этотъ рассказъ короля поразилъ насъ: между тѣмъ обѣдъ кончился и мы встали».

Какъ мало епископы стѣснялись присутствіемъ короля можно видѣть изъ разсказа Григорія о другомъ обѣдѣ у Гонтрама въ Орлеанѣ-же. Палладій и Бертрамъ приглашенные опять къ королевскому столу поссорились и упрекали за обѣдомъ другъ друга въ предубодѣяніи, развратѣ и вѣроломствѣ. Вообще епископы до такой степени были не церемонны и съ самимъ королемъ, что на примѣръ епископъ Сагитарій приказываетъ сказать

Гонтраму, что дѣти его незаконнорожденные, что онъ король находится въ связи въ простой женщиной—служанкой, что нельзя считать царевичами дѣтей всѣхъ женщинъ, которыя побывали на царской постели (*quae thorum regis adiissent*).

Протоіерей П. Ляпидевскій.

